

но также и тем, что здесь хорошо показано, каким образом материалы османских дефтеров могут быть использованы в исследованиях по исторической демографии. Ценна с методической точки зрения и вся работа Ев. Балта в целом, яв-

ляющаяся убедительным свидетельством того, что дефтерология уже разработала свой инструментарий, который позволяет получать достаточно надежные результаты.

К. А. Жуков

Wystawa «Sztuka koptjska». Muzeum Narodowe w Warszawie. Warszawa, 1984. 127 s., 179 N, 170 черно-белых илл., 1 карта

20—25 августа 1984 г. в Варшаве проходил Третий международный коптологический конгресс¹. В ряду приуроченных к этому крупному международному форуму мероприятий самым интересным и значительным для специалистов, пожалуй, была устроенная в Народном музее в Варшаве выставка памятников коптского искусства из нескольких польских собраний: Народного музея в Варшаве, Археологического музея, музея Ягеллонского университета и Народного музея в Кракове.

Основы собраний коптских памятников некоторых польских музеев были заложены еще в конце прошлого века. В нашем веке они неоднократно пополнялись: материалы раскопок совместной польско-французской экспедиции в Эдфе (1937—1939); значительные поступления имели место после второй мировой войны: Археологический музей в Кракове получил дары от воинов II Корпуса польской армии (сражавшейся на Ближнем Востоке) разнообразные египетские и нубийские памятники; пополнили музейные собрания материалы из раскопок в Тель-Атрибе (проводятся с 1957 г.), в Фарасе (1960—1964) и Старой Донголе (с 1964 г.).

Лучшие памятники христианской эпохи из Египта и Нубии, хранящиеся в указанных музеях, и были представлены на выставке. Рецензируемый каталог представляет эти памятники. К сожалению, из-за цепи неблагоприятных условий издание его задержалось на несколько лет, и все же для специалистов он очень ценен и необходим по целому ряду причин: большинство фигурирующих в нем памятников публикуется впервые; массовый материал, добытый в результате квалифицированных раскопок последних десятилетий, дает твердые хронологические ориентиры для датировок сходных памятников, хранящихся в других собраниях и не имеющих научной фиксации.

К работе над каталогом были привлечены польские специалисты: археологи, искусствоведы, музейные работники, некоторые из которых имели непосредственное отношение к находкам, их реставрации и научной обработке.

Построение каталога традиционно для такого рода изданий. Собственно ката-

ложная часть предваряется несколькими небольшими статьями. Комиссару выставки д-ру Влодзимержу Годлевскому принадлежат: «Предисловие» (с. 3—6), «Искусство» (с. 6—7), «Архитектура» (с. 7—8), «Настенная живопись» (с. 9—11). Э. Маковецкая написала: «Каменная пластика» (с. 8—9) и «Керамика» (с. 12—13), П. Парандовский — «Коропластика» (с. 11—12), Э. Лоренц — «Ткани» (с. 13).

Представленные на выставке памятники широки по хронологическому диапазону (II—VIII/IX вв.) и разнообразны по материалу и технике: каменная скульптура (стелы; надгробия с надписями и фигурными изображениями; детали архитектурного убранства и др.), фаюмские портреты, мумийные маски, металлические изделия (сосуды; светильники; ключ и др.), керамика, стекло, поделки из кости, дерево, папирус, ткани. За редким исключением вещи воспроизведены.

На выставке фигурировал ряд первоклассных памятников, которые теперь наверняка широко войдут в научный оборот, т. е. по достоинству будут отмечены специалистами. У нас же другая задача — отметить недочеты издания. Их, к счастью, немного.

Странно отсутствие дат у двух мраморных надгробий: № 22 (с. 20, 56) и № 23 (с. 20, 56). На наш взгляд, характер этих памятников (пространные надписи, некоторая неряшливость «письма», минимум украшений и т. п.), скорее всего, указывает на VIII в.

К просчетам составителей следует отнести не только отсутствие воспроизведенных греческих надписей на большинстве памятников, но даже и их переводов на польский язык (например, стелы № 19 (с. 19, 54) и № 23 (с. 20, 56)).

Из надгробной особо хочется отметить известняковую стелу Народного музея в Кракове — № 20 (с. 19—20, 55). Она украшена резьбой с обеих сторон и, по видимому, использовалась дважды.

Главный камень преткновения для специалистов, занимающихся коптским и нубийским искусством, по сию пору остаются проблемы датировок памятников. По роду занятий мне ближе ткани, поэтому больше всего недостатков я заметил именно в этом разделе каталога. Начну с дат. Мне кажется, следовало бы передатировать следующие ткани: № 144 с IV в. на V—VI вв., № 146 с IV—V вв. на VI—VII вв., № 155 с IV—V вв.

¹ Acts of the 3rd International Congress of Coptic Studies in Warsaw, 20—25 August, 1984. Warsaw, 1990.

на V—VI вв., № 161 с V—VI вв. на VIII в., № 171 с VII—VIII вв. на VIII—IX вв. Плетеный колпак (№ 177, с. 43, 126) отнесен к V—IX вв. Судя по публикации Л. Дель Франчия группы тканей из Антиной (1987 г.), которые хронологически определенно укладываются в рамки V—VI вв. (здесь же были и схожие колпаки), варшавский памятник вполне можно датировать V—VI вв.

Выскажу свои соображения о трактовке изображений на нескольких коптских тканях, рассматривая их по нарастанию порядковых номеров. Номер 153 (с. 38, 110) — квадратная вставка V в. Краковского Народного музея с широко распространенным в коптском ткачестве сюжетом: полуобнаженный воин готов пронзить мечом коленопреклоненного, со связанными за спиной руками молодого мужчину. Сюжет этот трактовался по-разному: Персей убивает Медузу; Ахилл справляется с троянцем на могиле Патрокла; умерщвление Астерием пленного индуса на могиле Офельта (на античном материале этот ряд можно продолжать), наконец, Авраам приносит в жертву Исаака. Кристина Мочульска выдвинула новое предположение — воспроизведена казнь популярнейшего в Египте св. Минны. На наш взгляд, общий характер и отдельные детали изображений на подобных памятниках (отсутствие нимбов, полуобнаженность персонажей, их молодой облик и т. п.) исключают возможность связывать их с христианством. Скорее всего, в таких сценах следует видеть ритуальное убийство, связанное с мифологической, литературной или реальной исторической, бытовой, религиозной античной основой. Подобные сцены правильнее было бы называть «сценами жертвоприношений», не ища в них конкретных персонажей. В христианскую пору мастера воспользовались иконографическим изводом этой сцены для изображений жертвоприношения Исаака, отсечения главы св. Мине и т. д.

Номер 170 (с. 42, 121) — часть рукава с двумя нашитыми вставками-полосами VII—VIII вв. (Краков, Народный музей). На одной из вставок вытканы две человеческие головы с открытыми глазами. Такие изображения не единичны в коптском ткачестве, но до сих пор никак не объяснены. Предлагаем свою интерпретацию этого мотива, имеющего, как нам кажется, глубокое символическое значение. У многих народов отрубленной голове, сосредоточию важнейшей жизненной силы организма, божественному вместилищу возрождающейся силы, припи-

сывалась волшебная мощь. Этот образительно-символический мотив служил эмблемой, указывавшей на хтонический характер композиций, в которых он был представлен. Не исключено, что под влиянием ближневосточных представлений мотив этот воспринимался и как указатель пути духовного постижения «скрытой тайны».

Номер 171 (с. 42, 122) — нарукавная вставка-полоса VIII—IX вв. (того же собрания) с изображениями птиц, людей, фантастических существ. Аналогий этому памятнику около десятка. К. Мочульска в изображенных здесь двух парах птиц с человеческими головами видит гарпий. Учитывая, что эти памятники создавались в Египте, нам кажется, уместнее видеть в этих изображениях не гарпий (и сирен, как предполагали другие специалисты), а ба — древнеегипетские олицетворения душ усопших, представлявшихся в виде птицы с головой человека; когда человек умирал, ба отлетала от него.

Последний памятник, на котором мы остановимся, хранится в Народном музее в Варшаве (№ 173, с. 42—43, 123). Он представляет собой лицевую сторону фрагментированной туники VI—VII вв. с двумя вертикальными полосами-клавьями. На левом клаве сохранилось восемь, на правом — одиннадцать медальонов, в каждом из которых, по определению Э. Лоренц, «стоит нагой мужчина». Аналогичные клавьи (правда, с двумя-тремя медальонами) хранятся в Прагском музее прикладных искусств (№ 1239, 1240) и в Лувре (№ X 4499, X 4315). Они позволяют видеть в «стоящем нагом мужчине» Геракла, совершающего подвиги. Варшавская ткань интересна тем, что на ней сохранился почти полностью цикл подвигов популярного в Египте античного героя, что позволяет провести сопоставление с изображением подвигов Геракла на тканях-двойниках V в. из Эрмитажа и музея Метрополитен в Нью-Йорке.

В заключение отметим, что в тексте встречаются досадные опечатки. На с. 87 сверху неверно указан номер иллюстрации 86, нужно — 98. При том что полиграфическое качество издания желало бы быть лучше, значение издания в коптологической науке трудно переоценить — специалисты получили возможность ознакомиться с большим числом впервые публикуемых памятников, многие из которых уникальны. Наверняка это издание заинтересует и широкого читателя, интересующегося историей, культурой, искусством Египта и Нубии христианской эпохи.

А. Я. Каковкин